

ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА КУЛЬТУРЫ СМОЛЕНСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ СМОЛЕНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОДВИНЬЯ)

© 2009 г. В. С. Нефёдов

Институт археологии РАН, Москва

Височные кольца являются характерным и оригинальным элементом металлического женского убора культуры смоленских длинных курганов (КСДК) VIII–X вв. Носителей именно этой археологической культуры наиболее убедительно отождествляют с кривичами средневековых письменных источников (Шмидт, 1968. С. 224; Енуков, 1990. С. 3, 4, 151; Булкин, 1995. С. 230, 231). Основной ее ареал охватывает территорию Северо-Западной Смоленщины и Северной Белоруссии. В настоящей работе рассматриваются височные кольца, найденные в погребальных комплексах восточной части этого ареала – в Смоленском Поднепровье и Подвинье¹.

Среди погребального инвентаря “смоленских” курганов, относящихся к КСДК, удалось идентифицировать 52 височных кольца, большинство из которых сохранилось в обломках, иногда сильно оплавленных². 46 колец происходят из 34 погребений в 14 могильниках (рис. 1), остальные шесть – из нескольких (не менее трех) депаспортизованных комплексов, которые раскопаны В.И. Сизовым в Смоленской губернии в конце XIX – начале XX в. Количество погребений с височными кольцами составляет около четверти погребальных комплексов КСДК на изученной территории, содержащих какие-либо металлические женские украшения, а также бусы.

Необходимо учитывать, что погребения КСДК совершались по обряду трупосожжения, в основном трупосожжения на стороне (Енуков, 1990. С. 29, 30), поэтому часть предметов, в том числе изготовленных из цветных металлов, оказалась практически полностью расплавленной или могла вообще не попасть в раскопанное погребение. Следовательно, для изучения доступен не весь изначально имевшийся в комплексе инвентарь, и уверенно говорить о полном комплекте женских украшений (включая набор височных колец) из каждого конкретного погребения не приходится.

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить Е.А. Шмидта и С.С. Ширинского, любезно предоставивших мне возможность использовать неопубликованные материалы проведенных ими раскопок.

² Исследованные материалы хранятся в ГИМ, ГЭ и Смоленском государственном музее-заповеднике.

Тем не менее на основе приведенных выше статистических данных можно предположить, что далеко не всех кривических женщин хоронили с височными кольцами.

Типология височных колец КСДК разработана Е.А. Шмидтом (1970. С. 226, 227) и В.В. Енуковым (1990. С. 53, 54). Она вполне продуктивна и мало отличается от приведенной ниже, но для более полной характеристики этой группы украшений нуждается в некоторых уточнениях и комментариях.

Тун 1. Перстнеобразные кольца со спиральным завитком на одном конце.

Вариант 1. С завитком наружу – пять экз. в четырех погребениях (рис. 2, 1–3).

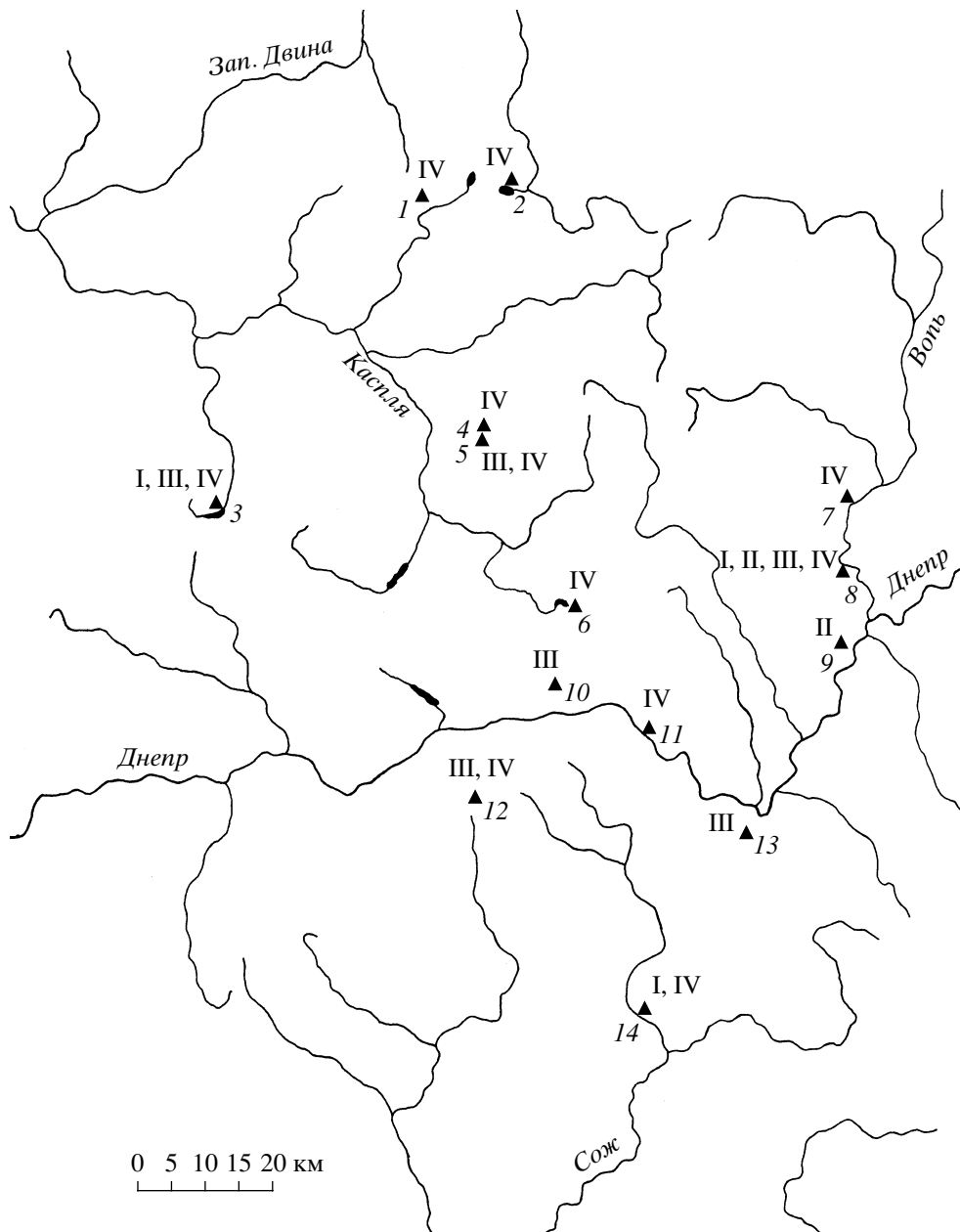
Вариант 2. С завитком внутрь – три экз. в двух погребениях (рис. 2, 4).

Кольца типа 1 имеют, как правило, заходящие концы (в одном случае сомкнутые), диаметр около 2.5–3.5 см. Они сделаны из проволоки медного сплава толщиной около 1.5 мм, один конец которой раскован в узкую пластину и скручен в 1–2 оборота, второй иногда заострен.

Тун 2. Серповидные кольца с заходящими концами. Имеют уплощенное расширение на одном или обоих концах, которое заканчивается спиральным завитком наружу. Завитки такие же, как у колец типа 1, варианта 1.

Вариант 1. С одним уплощенным концом, в котором пробито четыре–шесть отверстий для крепления мелких трапециевидных подвесок, – 9 экз. в 9 погребениях. Существует три разновидности профилировки пластинчатой части: плоское сечение – четыре экз. (рис. 2, 5); с декоративным валиком по внешнему краю лицевой стороны – два экз. (рис. 2, 6, 7); с валиками по обоим ее краям – три экз. (рис. 2, 8). Иногда плоская часть украшалась пуансонным или штихельным орнаментом. На кольцах этого варианта известно три разновидности орнамента, каждая из которых встречается по одному разу (рис. 2, 5–7).

Вариант 2. С двумя уплощенными симметрично заходящими концами без отверстий – 35 экз. в 25 погребениях. Вдоль средней линии двух пла-

Рис. 1. Височные кольца в могильниках КСДК Смоленского Поднепровья и Подвинья. I – тип 1, вариант 1; II – тип 1, вариант 2; III – тип 2, вариант 1; IV – тип 2, вариант 2. 1 – Шугайлово; 2 – Пржевальское (Слобода); 3 – Заозерье; 4 – Дроково; 5 – Акатово; 6 – Заборье; 7 – Михейково; 8 – Сельцо (Ярцево); 9 – Городок (Пнёва Слобода); 10 – Купники (Василёвщина); 11 – Колодня; 12 – Цурковка; 13 – Арефино; 14 – Слобода-Глушица.

стинчатых концов, с лицевой стороны кольца проходит декоративный валик, как бы продолжающий округлую в сечении дужку. Часто плоские части украшались пуансонным или штихельным орнаментом, симметричным относительно декоративного валика (не менее 16 экз.). Присутствует как минимум пять разновидностей декора, но обычно использовалась одна: гравированный волнообразный зигзаг – не менее 9 экз. (рис. 2, 9), остальные встречаются редко или в единичных случаях (рис. 2, 10–13).

Н.В. Ениосова изучила состав металла и технологию изготовления пяти серповидных височных колец варианта 2, найденных на Центральном поселении Гнёздова (практически все они являются ювелирным ломом). Анализ показал, что гнёздовские экземпляры сделаны из латуни двумя способами, сочетающимися литые в пластичную форму, холодную ковку и нанесение орнамента (Ениосова, 1998. С. 265; 2001. С. 215). Можно предположить, что так же изготавливались височные кольца типа 2, происходящие из смолен-

ских длинных курганов. Большинство из них сделано из медного сплава (латунь?), меньшая часть – из низкопробного серебра, что визуально определяется для некоторых находок, очищенных от коррозии. Диаметр колец варианта 1 составляет около 4,5–6 см, варианта 2 – около 5,5–7 см.

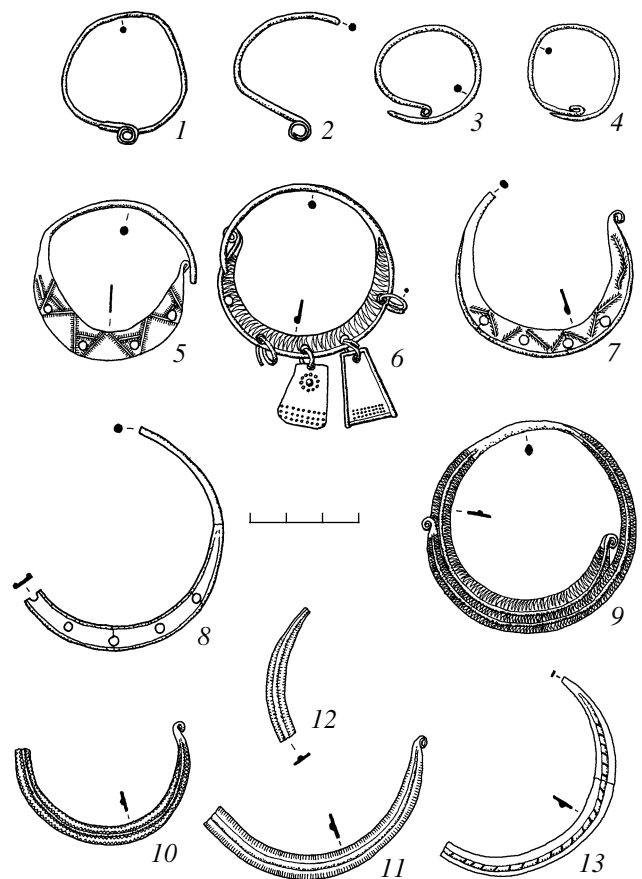
Височные кольца *tuna* 1 и *tuna* 2, варианта 1 могли носить и в качестве серег. Их конструкция, в том числе заостренность концов некоторых колец *tuna* 1, вполне допускает эту интерпретацию. Относительно височных колец *tuna* 2, варианта 2 такую возможность трудно себе представить.

Как отмечалось выше, большинство украшений из цветных металлов, найденных в смоленских длинных курганах, сильно повреждено во время трупосожжения, и не все они могли попасть в погребения при преобладавшем трупосожжении на стороне. Поэтому, в частности, учтенное количество перстнеобразных колец (*tuna* 1) несомненно составляет гораздо меньшую долю от первоначального, чем учтенное количество серповидных колец (*tuna* 2). Ведь последние зачастую можно определить даже по небольшим и деформированным обломкам. Следует также отметить, что ни в одном погребальном комплексе не удалось выявить более двух височных колец, независимо от их типологической принадлежности.

Кольца *tuna* 2, варианта 1, в отличие от остальных, ни разу не найдены парами, только по одному или в сочетании с кольцами *tuna* 2, варианта 2 (три случая). В то же время именно для них характерна ярко выраженная правая и левая асимметрия. Поэтому отсутствие их находок парами явно вызвано неполнотой археологических источников. Однажды встречено сочетание колец *tuna* 1, варианта 1 и *tuna* 2, варианта 2. Других сочетаний разных вариантов не прослежено.

По-видимому, в КСДК типичной была ситуация, когда женщина носила по одному кольцу у каждого виска. Очевидно, эти пары всегда состояли из колец одной разновидности, с одинаковым орнаментом или без орнамента. Некоторые кривические женщины носили две пары височных колец (или пару височных колец и пару серег), принадлежащих к двум разным вариантам.

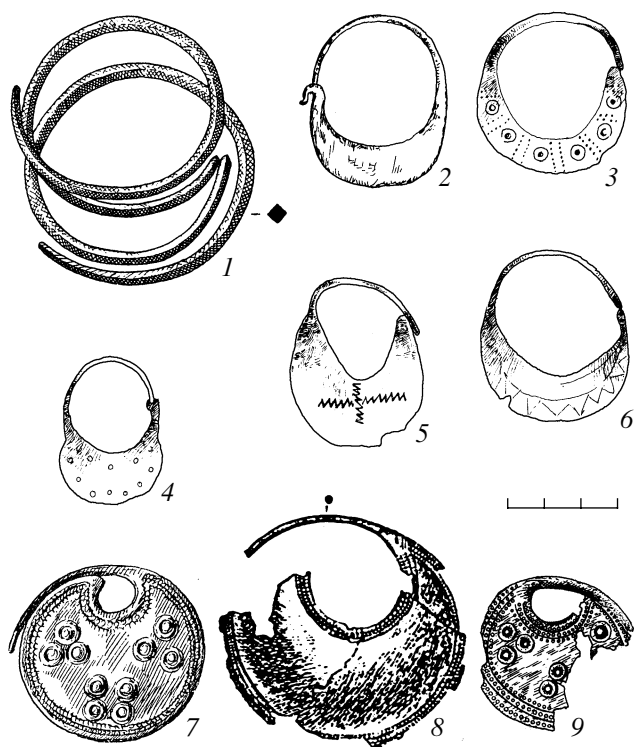
По имеющимся в настоящее время данным, височные кольца *tuna* 1, варианта 1 существовали в КСДК с VIII по X в., как и сама археологическая культура. Одно из колец *tuna* 1, варианта 2 найдено в комплексе, датирующемся не позднее третьей четверти VIII в. (Пнёва Слобода, к. 1; о датировке см.: Нефёдов, 2000. С. 196). Серповидные кольца варианта 1 найдены в погребениях середины – второй половины VIII в. (например, Цурковка, к. 2, п. 3 + 4; см.: Нефёдов, 2000. С. 193–195; 2003. С. 63–64) и в I строительном ярусе Земляного городища Старой Ладogi (ок. 750–765 гг.; Ря-

Рис. 2. Типология височных колец КСДК. 1–3 – *tuna* 1, вариант 1; 4 – *tuna* 1, вариант 2; 5–8 – *tuna* 2, вариант 1; 9–13 – *tuna* 2, вариант 2. 1 – Заозерье, к. 5, п. 2; 2, 13 – Слобода-Глушица, к. 11, п. 1; 3, 10 – Михайково; 4 – Сельцо, к. 8(9) (1903 г.); 5 – Арефино, к. 4(6) (1881 г.); 6 – Цурковка, к. 2, п. 2; 7 – Сельцо, к. 12, п. 2; 8 – Акатово, к. 3, п. 4; 9 – Заозерье, к. 3, п. 2; 11 – Пржевальское, к. 39; 12 – Шугайлово, к. 3, п. 3.

бинин, 1985. Рис. 23, 9), но отсутствуют в достоверных комплексах X в. Серповидные кольца варианта 2 бытовали на всем протяжении существования КСДК. Они известны в погребениях середины – третьей четверти VIII в. (Цурковка, к. 2, п. 1; см.: Нефёдов, 2000. С. 192–196; 2003. С. 63, 64) и второй – третьей четверти X в. (в том числе Заозерье, к. 5, п. 4; к. 59, п. 2 (Шмидт, 1980. Л. 60; 1983. Л. 12)), а также в материалах тех же десятилетий X в. на поселениях Гнёздова (см. выше) и Городка на Ловати (Горюнова, 1991. С. 40). Вероятно, кольца *tuna* 2, варианта 1 возникли немного раньше или практически одновременно с кольцами *tuna* 2, варианта 2, и раньше последних (не позднее конца IX – начала X в.) вышли из употребления.

Серповидные височные кольца несомненно были изобретением носителей культуры смоленских длинных курганов. Они редко встречаются

Рис. 3. Восточнолитовские височные кольца середины I тыс. н.э. (1), “лунничные” серьги VIII–IX вв. кёттлахской культуры (2–6) и “лунничные” височные кольца X–XI вв. района белорусско-латвийского пограничья (7–9). 1 – Pakraugle; 2 – Flaschberg; 3 – Mejica; 4 – München; 5 – Köttlach; 6 – Wallersdorf; 7 – Zilupe; 8 – Sauleskalns; 9 – Лесная.

за пределами ее основного ареала, причем иногда в составе кладов и в виде ювелирного лома. Их стандартность, при наличии определенного разнообразия, заставляет предположить единое происхождение этого типа украшений. Проблема их происхождения обсуждалась Е.А. Шмидтом и В.В. Седовым, однако ее следует еще раз рассмотреть в настоящей работе.

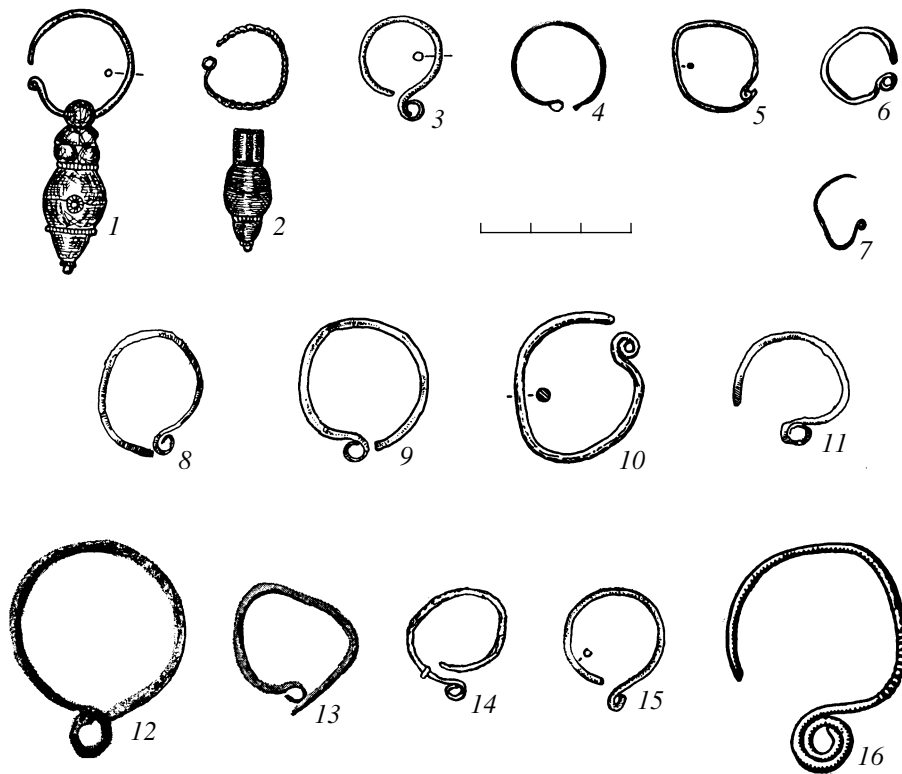
Е.А. Шмидт обратил внимание на сходство серповидных височных колец с пластинчатыми шейными гривнами, бытовавшими в последней четверти I тыс. н.э. в Латгалии, Восточной Литве и у мордвы (Шмидт, 1970. С. 227). Аргументированные возражения против такого сопоставления приведены В.В. Седовым (1994. С. 93; 1995. С. 235), и с ними трудно не согласиться. Непосредственным прототипом рассматриваемых украшений Е.А. Шмидт считает восточнолитовские височные кольца с заходящими концами (1970. С. 234). Те кольца, на которые ссылается исследователь, представляют собой заостренные на обоих концах и скрученные в 1.2–1.3 оборота отрезки довольно массивного дрота четырехгранного сечения, т.е. имеют мало общего с серповидными (рис. 3, 1). По мнению литовских археологов, они

датируются IV–V или V–VI вв. (Volkaite-Kulikauskiene, 1959. P. 36, 37, 343. Pav. 8, 10; Lietuvos..., 1978. P. 144, zemel 2). В последней трети I тыс. н.э. височные кольца не входили в состав женского убора восточнолитовского населения (Volkaite-Kulikauskiene, 1975). Следовательно, ни морфология, ни хронология этих украшений не позволяют считать их прототипами височных колец КСДК.

В.В. Седов в работах 1990-х годов высказал предположение о том, что серповидные височные кольца происходят от некоторых разновидностей серег кёттлахской культуры (расположена в междуречье Верхнего Дуная и Верхней Савы) через переходное типологическое звено так называемых лунничных височных колец, присутствующих на западе лесной зоны Восточной Европы (Седов, 1994. С. 94, 95; 1995. С. 236; 1999. С. 189–192). По мнению исследователя, переселение отдельных групп карantanцев – носителей кёттлахской культуры – в Восточную Европу (в числе других “днайских славян”) было вызвано притеснениями со стороны аваров (Седов, 1999. С. 201, 202; 2000. С. 23).

Эти представления невозможно принять по целому ряду как общеисторических, так и источниковедческих соображений. Неясно, по каким причинам альпийские славяне (карantanцы) стали бы переселяться в конце VII – начале VIII в. на Верхний Днепр. Карantanция никогда не входила в состав Аварского каганата (располагавшегося восточнее, т.е. на пути предполагаемого переселения), в политическом отношении тяготела к своим западным соседям – баварам, лангобардам и франкам, а к востоку и северо-востоку от центральной Австрии, Словении и северо-западной Хорватии кёттлахские серьги с плоским расширением нижней части почти не встречаются. По мнению П. Корочец, они возникли не раньше VIII в. (Korošec, 1979. S. 303–306. Pril. 3), причем уже самые ранние из них (распространенные также в Баварии) имеют существенные отличия от серповидных височных колец: отсутствие завитка на конце (иногда его заменяет крючок, на который застегивалась дужка), иное оформление плоской части, другие композиции декора (рис. 3, 2–6). По указанным причинам они не могут рассматриваться в качестве прототипов интересных нас украшений.

Что касается восточноевропейских “лунничных” височных колец (рис. 3, 7–9), то они весьма отдаленно напоминают как кёттлахские, так и серповидные; к тому же, в отличие от них, являются прессованными, а не литыми. Кроме того, они датируются второй половиной X – XI в. (от основной группы оторван только экземпляр IX (?) в. из Старой Ладоги: Davidan, 1993. S. 30. Abb. 9, 23) и представляют собой, очевидно, специфическое локальное явление, характерное для территории бе-

Рис. 4. Перстнеобразные серьги со спиральным завитком наружу VII–IX вв. Подунавья и соседних территорий. 1–7 – славяно-аварские могильники; 8–11 – кёттлахская культура; 12–15 – Нижнее Подунавье; 16 – Южный Буг. 1, 2 – Zwölfaxing; 3 – Sommerein; 4 – Pókaszeptk; 5 – Székkutas; 6 – Pilismarót; 7 – Gyód; 8 – Judovska Vas; 9 – Ptujski grad; 10 – Biskupija; 11 – Črnolj; 12 – Кюлевча; 13 – Гарван; 14 – Нови Пазар; 15 – Dodesti; 16 – Семенки.

лорусско-латвийского пограничья. В этом районе сконцентрированы почти все их находки (Плоткин, 1972. С. 41; Мачинский, Мачинская, 1988. С. 52; Седов, 1995. С. 236 – в последней работе учтено большинство публикаций). Не исключено, что “лунничные” кольца являются поздними дериватами серповидных височных колец, но обратное генетическое соотношение невозможно в первую очередь по хронологическим причинам.

Представляется наиболее вероятным, что серповидные височные кольца происходят от бытовавших, в частности, в той же культуре смоленских длинных курганов перстнеобразных колец или серег с завитком наружу (*mun 1*, вариант 1). Особенно ярко проявляется конструктивное сходство перстнеобразных колец варианта 1 и серповидных варианта 1. Кроме того, диаметр последних ненамного превышает таковой колец *mina 1*. Серповидные кольца варианта 2 имеют больше отличий от перстнеобразных варианта 1, но также обладают сходными признаками: идентичными завитками на концах и декоративным валиком, визуалью продолжающим дужку по всей окружности лицевой стороны предмета.

По-видимому, серповидные височные кольца возникли на территории Смоленского Поднепровья в период формирования КСДК, т.е. не позже середины VIII в., в результате усложнения перст-

необразных колец варианта 1. Форма и размеры колец *mina 2*, варианта 1 заставляют предположить, что они происходят непосредственно от перстнеобразных, а более сложные кольца *mina 2*, варианта 2 являются следующим этапом развития этих украшений.

Перстнеобразные височные кольца или серьги со спиральным завитком наружу, бытовавшие в КСДК, входят в широкий круг аналогичных украшений, которые к концу I тыс. н.э. распространились на большей части территории расселения славян, от Верхней Эльбы и Восточных Альп до Приильменья и Поволховья и от бассейна Вислы до Нижнего Подунавья (некоторые ранние находки см. на рис. 4). В славянских древностях лесной зоны Восточной Европы (Смоленское Поднепровье, Поволховье) они появляются не позднее середины VIII в. Кратко рассмотрим вопрос о территории и времени возникновения этой разновидности украшений.

Появление перстнеобразных височных колец с завитком наружу у западных славян обычно датируют концом VII – началом VIII в. (Musianowicz, 1949. S. 127–132, 192, 193. Tabl. XII; Krumphanzlová, 1974. S. 50; Korošec, 1979. Pril. 3). В славяно-аварских могильниках Среднего Подунавья эти украшения характерны для позднеаварского периода (после 700 г.) (Lippert, 1969. S. 36, 37, 97.

Tab. 4; Čilinska, 1975. S. 77, 81; Garam et al., 1975. P. 268, 276, 277; Kiss, 1977. P. 43; Daim, Lippert, 1984. Abb. 15). Однако пара таких серег из погребения 180 могильника Зоммерайн (восточная Австрия) (рис. 4, 3) найдена в той части памятника, которая, по мнению авторов публикации, функционировала во второй фазе среднеаварского периода, т.е. в последней четверти VII в. (Daim, Lippert, 1984. S. 119. Karte 36). Отметим также достаточно известную находку аналогичного кольца на пеньковском селище VI–VII вв. у с. Семенки на Южном Буге (рис. 4, 16). Изделие происходит из сооружения VIII, относящегося к позднему этапу жизни на поселении, и найдено совместно с обломком пальчатой фибулы VII в. (Хавлюк, 1974. С. 207).

Таким образом, перстнеобразные височные кольца или серьги со спиральным завитком наружу появились у западных и южных славян не позднее конца VII в., а немного позже проникли в лесную зону Восточной Европы. Произошло это, очевидно, в связи с новым этапом славянского расселения, в результате которого сформировалась и культура смоленских длинных курганов. Развитие оригинальных серповидных колец из перстнеобразных могло произойти под влиянием знакомства пришлого славянского населения с некоторыми разновидностями византийских и центральноевропейских серег. Например, с литыми серьгами, имевшими серповидное расширение в нижней части и звездообразную “подвеску”. Последние были популярны в Среднем и Нижнем Подунавье в VII – начале VIII в. и известны на юге Восточной Европы – на Пастырском городище (где были созданы их оригинальные варианты), нескольких синхронных ему памятниках, а также вкладах второй группы “древностей антов” по О.А. Щегловой конца VII – первой половины VIII в. (Айбабин, 1973; Čilinska, 1975. S. 70–72, 80; Щеглова, 1990. С. 176–182; Приходнюк, 2005. С. 41, 42 и др.).

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на одну проблему. Смена височных колец КСДК браслетообразными завязанными височными кольцами, произошедшая у кривичей во второй половине X – начале XI в., была одним из эпизодов многообразной культурной трансформации, приведшей к образованию древнерусской культуры в изучаемом регионе и на соседних территориях. Возможно, эта смена не покажется столь резкой и феноменальной, если предположить, что прототипами браслетообразных были перстнеобразные завязанные височные кольца. Последние, наряду с другими вариантами перстнеобразных колец, в том числе характерными для КСДК, довольно широко бытовали у славянских жителей Гнёздова во второй половине X в. (Пушкина, 1987. С. 53). Тот факт, что их носили именно как височные кольца, подтверждается их расположением по бокам черепа в нескольких хорошо сохранившихся женских ингумациях Гнёз-

довского некрополя (Авдусин и др., 1978. Л. 97; 1981. Л. 72; Пушкина, 1995. Л. 23). Прототипами этих украшений являлись, очевидно, различные подвески скандинавского происхождения, основой которых было колечко с аккуратной двусторонней завязкой концов. В их числе подвески с напускными бусинами и амулетами, которые также представлены в Гнёздове серией находок (Спицын, 1905. Рис. 10, 11, 19; Новикова, 1991. Рис. 4, 7; 5, 3, 6, 10).

Развитие многих групп височных колец у западных и восточных славян (например, с S-видным завитком, ромбоцитковых, лучевых–лопастных) сопровождалось постепенным увеличением их диаметра. Поэтому предложенная схема представляется вполне логичной, тем более что провололочные кольца небольшого диаметра (3–5 см) с завязанными концами существовали у кривичей и в XI в. По-видимому, основными факторами, которые способствовали усвоению местным населением традиции ношения завязанных височных колец, были ориентировка на престижные образцы раннегородской культуры (ср.: Лесман, 1998. С. 160, 161) и приблизительное сходство новой разновидности височных украшений с существовавшими в этом регионе в предшествующий период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А., Каменецкая Е.В., Пушкина Т.А. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 8395.
- Авдусин Д.А., Каменецкая Е.В., Пушкина Т.А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции МГУ в 1981 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 8961.
- Айбабин А.И. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. 1973. № 3.
- Булкин В.А. Кривичи и словене в верховьях Днепра и Двины // Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., 1995.
- Горюнова В.М. Начальная история древних Лук (X – начало XI в.) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991.
- Ениосова Н.В. Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнёздова // Тр. VI МКСА. Т. 4. М., 1998.
- Ениосова Н.В. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнёздове // Археология и история Пскова и Псковской земли: Матер. науч. семинара. 2000. Псков, 2001.
- Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М., 1990.
- Лесман Ю.М. Варяжское наследие в женской субкультуре Древней Руси // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб., 1998.
- Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, русский север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура русского севера. Л., 1988.
- Нефёдов В.С. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли: Матер. науч. семинара. 1996–1999. Псков, 2000.

- Нефёдов В.С. Некоторые замечания об украшениях культуры смоленских длинных курганов из раскопок в Старой Ладоге // Ладога – первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003.
- Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991.
- Плоткин К.М. Балтские элементы в нижних горизонтах Старой Ладоги // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972.
- Приходнюк О.М. Пастырське городище. Київ; Чернівці, 2005.
- Пушкина Т.А. Височные кольца Гнёздовского комплекса // Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М., 1987.
- Пушкина Т.А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции МГУ в 1995 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 19226.
- Рябинин Е.А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994.
- Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.
- Седов В.В. Летописный рассказ о происхождении славян с Дуная и археологические реалии // Восточная Европа в древности и средневековье. XII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2000.
- Спицын А.А. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. 1905. Вып. 15.
- Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.
- Шмидт Е.А. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968.
- Шмидт Е.А. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 7. Смоленск, 1970.
- Шмидт Е.А. Отчет о разведках и раскопках археологических памятников на территории Смоленской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 7781.
- Шмидт Е.А. Отчет о раскопках археологических памятников на территории Смоленской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 9225.
- Щеглова О.А. О двух группах “древностей антов” в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
- Čilinska Z. Frauenschmuck aus dem 7.–8. Jahrhundert im Karpatenbecken // Slovenská archeológia. Т. XXIII. № 1. Bratislava, 1975.
- Daim F., Lippert A. Das awarische Gräberfeld von Sommerein am Leithagebirge, NÖ. Wien, 1984.
- Davidan O. Kunsthandwerkliche Degenstände des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga. Köln; Bonn, 1993.
- Garam É., Kovrig I., Szabó J., Török G. Avar Finds in the Hungarian National Museum. Budapest, 1975.
- Korošec P. Zgodnjerednjevska arheološka slika karantanskih slovanov. Ljubljana, 1979.
- Krumphanzlová Z. Chronologie pohřebního inventare vesnických hřbitovů 9. až 11. věku v Čechách // Památky archeologické. Т. LXV. № 1. Praha, 1974.
- Kiss A. Avar Cemeteries in County Baranya. Budapest, 1977.
- Lietuvos TSR archeologijos atlasas. Т. IV. Vilnius, 1978.
- Lippert A. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Zwölfaxing in Niederösterreich. Wien, 1969.
- Musianowicz K. Kablaczki skroniowe – proba typologii i chronologii // Swiatowit. Т. XX (1948/49). Warszawa, 1949.
- Volkaite-Kulikauskiene R. Senoves Lietuviu moteru galvos danga ir jos papuošalai // Iš Lietuviu kultūros istorijos. II. Vilnius, 1959.
- Volkaite-Kulikauskiene R. Kai kuriu VIII–XI a. rytu Lietuvos moteru galvos papuošalu klausimu // Тр. АН Литовской ССР. Сер. А. Т. 4 (53). Вильнюс, 1975.

Temple rings of Smolensk long mounds culture (based on the material from graves in the Smolensk region)

V. S. Nefedov

Summary

The article analyses temple rings of Smolensk long mounds culture, 8th–10th cc. Temple rings were a major constituent element within the complex of woman's metal ornaments. The article analyses their typology, chronology and origin. Temple rings are divided into two types (ring-shaped and crescent-shaped), with each of the types comprising two variants. There is no doubt that the crescent-shaped temple rings are typical of Smolensk long mounds culture only. It is impossible to accept the hypotheses that they have their origin in East Lithuanian and “lunulae-shaped” earrings/emple rings; they appear to have emerged during the formation period of the culture under study as a more sophisticated version of the ring-like temple ornaments with looped outside terminals (type 1, variant 1). The latter became popular among the Slavic population of Central and Southern Europe starting with the end of the 7th c., and reached the forest zone of Eastern Europe during further Slavic expansion to the territory. The article also considers the origin of armband-shaped temple rings with knotted terminals, which were popular in the region during the Ancient Rus' period, starting from the end of the 10th–11th cc. Ring-shaped temple rings with knotted terminals appear to have been their immediate prototype, and a more distant prototype can be found in Scandinavian pendants, also ring-based, which were frequently encountered in early urban centers like Gnezdovo in the second half of the 10th c.